

**ИЗ ИСТОРИИ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «ПАНСЛАВИЗМ»
В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ XIX ВЕКА**

В западной и российской историографии нет однозначного определения термина «панславизм», а также истории его оформления¹.

До недавнего времени в советской историографии избегали даже употребления терминов «национализм» и «панславизм», трудно было представить научное обоснование «терминов-изгоев». Они в основном использовались политологами и критиками буржуазной идеологии. Разработка националистического дискурса шла независимо в зарубежной науке. На сегодняшний день это привело к тому, что современному российскому ученому при анализе межславянских контактов прошлых веков приходится преодолевать порой противоположные оценочные оттенки одних и тех же понятий, используемых дореволюционной отечественной славистикой, в трудах славистов периода «социалистического лагеря», зарубежных исследованиях.

В советской историографии существовало достаточно большое количество исследований, посвященных изучению различных объединительных славянских движений². Как отмечал видный отечественный славист В.А. Дьяков, различные толкования идеи славянской взаимности отражались в развитии научного славяноведения. «Развитие славяноведения как науки, – писал он в середине 1970-х гг., – теснейшим образом связано со сменяющимися друг друга трансформациями идеи славянской солидарности, а эти последние определяются изменениями в социально-политической обстановке каждой данной страны, отчасти сменой ситуаций в международных отношениях»³.

Межвоенная чехословацкая историография сохраняла традиции изучения славянской идеологии, заложенные в работах Т.Г. Масарика⁴, И. Ирасека⁵, Й. Шкультеты⁶, в духе концепции чехословацкого национального единства. В этих трудах, которые можно оценить как исследования «критического славянства», излагался основной фактический материал по истории русского панславизма и истории русско-чешско-словацких взаимоотношений. При этом исследования были политически актуализированы: история Чехии и Словакии рассматривалась как часть общего исторического процесса в духе идей Великой французской революции; отрицалось какое-либо противопоставление славянского и немецкого миров, что было характерно для русской историографии.

Марксистская историография после 1945 г. как чешская, так и словацкая, главное внимание уделяла пролетарской традиции; в истории развития идеи славянской взаимности рассматривались те концепции, которые отвечали государственной идеологии. Русофильство чехов и словаков оценивалось как один из истоков чехословацко-советской дружбы. Словацкий сепаратизм, как и австрославизм, чаще всего подвергались критике. Заданная идеологизация в изучении славянской истории внесла много условностей в терминологический аппарат исследований.

В 1960-е гг. в ЧССР прошло несколько крупных международных конференций, посвященных проблемам славянской идеологии и ее роли в национальных движениях народов Габсбургской монархии. В работах Й. Колейки⁷, В. Штястного⁸, М. Шестака, Ф. Вольмана⁹, В. Жачека¹⁰, в коллективном труде «Слованстве

(Slovanství) в национальной жизни чехов и словаков» (1968) были подняты вопросы о социальной мотивации славянских идей, их вторичности по сравнению с национальными идеями. Исследователи предпочитали не употреблять термины «идея славянской взаимности» и «панславизм», используя термин «slovanství», принятый в чешской идеологии еще с 1930-х годов. Этот емкий термин включал в себя всю совокупность исторически изменяющихся представлений о славянской общности. В дискуссиях 1960-х гг. под ним подразумевали не только славянскую идеологию, но и политические акции, общественные движения, ориентированные на различные формы как регионального, так и общеславянского союза. С этого времени в марксистской историографии было принято позитивно обозначать идею славянской взаимности и подчеркивать реакционный характер панславизма. Таким образом, термины приобрели антонимистический характер. Эта установка окончательно внесла терминологическую путаницу в славистические исследования, авторы которых не могли не брать во внимание уже устоявшиеся в славистике XIX – начала XX вв. понятия разновидностей концепций славянской общности и панславизма, чаще всего используемые как обозначения одних и тех же явлений.

«Методологические искания» чехословацкой историографии принесли заметные результаты и во многом облегчили поиск единой платформы для авторов, работающих в этой области. Важным этапом для ученых, занимающихся историей западного славянства стало появление методологических работ чешского ученого Ф. Вольмана. Под термином «славянская взаимность» он подразумевал межславянскую культурную и литературную деятельность в духе концепции Коллара. В термин «славизм» включалось все, что в славянстве становилось движением, концепцией, идеологией и программой (например, барокковый, просветительский славизм). Со «славянской идеей» связывались «все проявления славянской общности, от простого подсознательного чувства до сознания проявления единства, солидарности и сотрудничества»¹¹.

До настоящего времени термин «панславизм» порой имеет различные оценки. Термин «славянская взаимность» часто идентифицируют с понятием «панславизм» или рассматривают его как составную часть этого понятия. Этот термин широко вошел в историческую лексику после публикации в Австрийской империи в начале 1820-х гг. поэмы Яна Коллара «Дочь Славы». В этот период возникает первая форма панславистских представлений, созданная в публицистике того времени.

Во времена канцлера Меттерниха (1773–1859) укрепилось мнение, что панславистские настроения ведут к дестабилизации монархии. При этом мадьяризм расценивался канцлером как регулятор панславизма. В то время венгерская и немецкая публицистика понимали под термином «панславизм» любое сознательное национальное проявление славян. Из венгерских школ выгоняли студентов, читающих словацкие стихи или говоривших на родном языке. Панславистом объявлялся студент, который пытался записать своим родным языком словацкий; панславистом считался словацкий интеллигент, читавший словацкую литературу и носивший вышитую рубашку. Так, в конкретных ситуациях и в конкретное время в сознании народа панславизм соединялся с национальным самосознанием.

В 1830–1840-е годы в связи с появлением работ П. Шафарика, Й. Юнгманна и трактата Я. Коллара о славянской взаимности инициатива формирования пансла-

вистских представлений переходит к представителям славянских национальных движений Австрийской империи.

В последней трети XIX в. возникает третья форма интерпретации панславизма – русский или имперский панславизм, появление которой связано с изданием книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1871 году.

Особое место в историографии занимает вопрос о соотношении славянофильства и панславизма в российской общественной мысли. Этот вопрос бурно обсуждался в российском и западном обществе после издания книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» в 1871 г. (впервые сочинение увидело свет в журнальной публикации в 1869 г.). В Австро-Венгрии она была переведена на словацкий язык С. Гурбан-Ваянским. Впоследствии эта книга в течение трех десятилетий неоднократно переиздавалась. Теория культурно-исторических типов Данилевского была прямо противоположна славянофильской доктрине об исторических народах, отбрасывала мысль о единстве мировой культуры. Можно согласиться с мнением русского историка-эмигранта А.А. Кизеветтера, который полагал ошибочным отнесение идей Данилевского к эталону славянофильства 1870-х годов¹².

Н.Я. Данилевский выделил Россию вместе с остальным славянством в единую культурно-историческую группу. При этом он был противником захватного поглощения славянства Россией. Данилевский утверждал, что хотя для полноты жизненного развития культурно-исторического типа народы, его составляющие, должны находиться во взаимном политическом контакте, но слияние в одно государство, в единое политическое тело прямо повредило бы общему интересу всей культурно-исторической группы¹³. Предпочтительнее их раздельное политическое существование при наличии тесного контакта между самостоятельными государствами, родственными по основным началам культуры. Эти общие положения Данилевский затем конкретизирует специально применительно к русско-славянским отношениям. Он утверждал: «Цивилизация, свойственная культурному типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, ее составляющие, не поглощены одним политическим целым... Для величия и культурного значения семьи славянских народов... нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общою идеею Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении»¹⁴. Политической формой такого единения первоначально должен стать тесный союз славянских народов, в котором России по ее обширности и многочисленности будет принадлежать первое место, но это первенство отнюдь не должно носить характера подавления самостоятельности других членов союза. Это будет положение *primus inter pares*. Тесный характер такого союза будет определяться положением славянства лицом к лицу с враждебным ему Западом.

Представленное Данилевским направление русской общественной мысли было далеко от подмены панславизма панрусизмом, от требования растворения самостоятельности славянских племен в «единовластительстве» России над всем миром славянства. Вся выдвинутая Данилевским концепция и в общей своей теоретической основе, и в практических очертаниях представляла собой нечто прямо противоположное каким-либо захватническим со стороны России стремлениям. Тем не менее, на фоне сложившейся в последней трети XIX в. внешнеполитической ситуации любое теоретизирование или рассуждение в России по поводу

славянского союза сразу же, без каких-либо аргументов, в Европе, и особенно в Австро-Венгрии и Германии, относилось к политическому панславизму или панруссизму.

В более поздних критических статьях по поводу труда Н. Данилевского звучала мысль о том, что это сочинение не имело научной значимости¹⁵, что «идеи Данилевского были срывом в осознании русской идеи».

В работах другого русского философа В. Соловьева также поднимался вопрос о соотношении славянофильства и панславизма. В. Соловьев был противником славянофильской концепции. По его мнению, «славянофильство есть только систематическая форма нашего национализма», «...их (старых славянофилов. – Г.Р.) заблуждение вообще было искренним и горячим увлечением и заслуживает более сожаления, нежели упрека»¹⁶. В противовес Данилевскому, в статье, посвященной критике идей автора «России и Европы», В. Соловьев подчеркивает, что «только при самом тесном, внешнем и внутреннем, общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)»¹⁷. Для В. Соловьева идеи Н. Данилевского – «попятное» движение русской мысли, возврат от христианства к языческому принципу, «дефективная» оригинальность¹⁸. По его мнению, Н.Я. Данилевский, «...принимаясь за свой труд под влиянием искреннего, хотя и слишком узкого и неразумного патриотизма..., имел в виду практическую цель: поднять национальную самоуверенность в русском обществе и исцелить его от болезни «европейничанья»¹⁹.

Выявлению сущности панславизма много внимания уделял русский ученый и публицист А.Н. Пыпин. Его серия статей в «Вестнике Европы» за 1878–1879 гг. под названием «Панславизм в прошлом и настоящем», объединенная впоследствии в книгу, представляла собой первую попытку объективного исследования панславистской идеологии. Не приемля национализм, Пыпин был в то же время сторонником национальной идеи, так как понимал ее позитивное значение для зависимых народов²⁰. Панславизм Пыпин считал одним из самых характерных проявлений национальной идеи и полагал, что за этим понятием скрываются *разные явления* (курсив наш – Г.Р.): идеология национально-освободительной борьбы угнетенного и разъединенного славянства и националистическая доктрина противостояния славянского мира Европе. В зависимости от обстоятельств панславизм мог содействовать либо прогрессу, либо реакции. Пыпин писал, *что панславизм никогда не был официальной внешнеполитической доктриной России и всегда оставался достоянием общественной жизни* (курсив наш – Г.Р.). В отличие от некоторых других либеральных деятелей, считавших панславизм только реакционным явлением политической мысли, Пыпин признавал его роль «как стремление славянства создать себе политическое существование» и обеспечить национальное выживание ввиду угрозы германизации и исламизации²¹.

Пыпин видел в панславистской идее два аспекта: политический и культурный. Поскольку политическое объединение славян в обозримом будущем представлялось ему малореальным (ввиду их религиозной, экономической и политической несхожести), он выдвигал в качестве приоритетной задачу духовного, культурного единения славян на почве языка и литературы. Именно на этом поприще Россия, по его мнению, могла завоевать авторитет среди славянства и стать его духовной руководительницей. Но для этого ей надо было внутренне переродиться самой. И хотя политический панславизм, полагал Пыпин, не разделялся

ни правительством, ни большинством российского общества, он широко использовался западными политиками и публицистами как пугало для устрашения Европы «славянской опасностью». Пыпин утверждал, что декларируемая на Западе «угроза панславизма» – всего лишь политическая уловка, призванная завуалировать собственные агрессивные замыслы западных держав на Балканах.

В своих сочинениях А.Н. Пыпин приводит несколько вариантов толкования панславизма: 1) созданная западной публицистикой мистификаторская трактовка панславизма; 2) истинный панславизм, демократический панславизм – это панславистские теории в среде славянской интеллигенции Габсбургской монархии; 3) российский вариант панславизма, сформировавшийся позже других и имевший несколько разновидностей (от элементов панславизма в славянофильстве до «квасного патриотизма»).

В дальнейшем А.Н. Пыпин рассматривает литературный панславизм как самостоятельную форму в статье «Литературный панславизм» (Вестник Европы. 1879). Выделение литературного панславизма было связано с оценкой роли и деятельности автора теории славянской взаимности Я. Коллара, а также П. Шафарика. В своих сочинениях А.Н. Пыпин последовательно раскрывал черты литературного панславизма, отмечая при этом утопичность программы Я. Коллара и его «платонический» панславизм. В то же время он писал, что «пути славянского литературного объединения будут определены лишь *политической кровавой борьбой* (курсив наш – Г.Р.)²².

В сочинениях А.Н. Пыпина о панславизме можно проследить четкое временное разграничение литературного и политического панславизма. Он проводит хронологический рубеж между этими явлениями. Политический панславизм, по его мнению, возник в 1848 г., когда «славянству пришлось иметь дело с настоящими практическими делами»²³.

Причины возникновения политики панславизма указывает и Ф. Энгельс. В 1848 г. в статье «Борьба в Венгрии» Ф. Энгельс писал: «Панславизм возник не в России или Польше, а в Праге и Аграме (Загреб – здесь Ф. Энгельс пишет о съезде славян в Праге 1848 г. – Г.Р.)... Непосредственной целью панславизма является создание славянского государства под владычеством России от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического морей... Панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо – русский кнут»²⁴. В этом же году Ф. Энгельс употребляет термин «демократический панславизм» (использованный позже А.Н. Пыпиным в совершенно ином смысле) для заголовка статьи, посвященной критике пражского съезда славян²⁵. Программу демократического панславизма автор статьи увидел в брошюре депутата пражского съезда М. Бакунина «Призыв к славянам». «...Оставляя в стороне искренний самообман демократических панславистов, он в действительности не имеет никакой другой цели, как дать распыленным австрийским славянам, которые в историческом, литературном, политическом, торговом и промышленном отношениях находятся в зависимости от немцев и мадьяр, опорный пункт – с одной стороны, в лице России, с другой – в лице объединенной Австрийской монархии, управляемой славянским большинством и зависимой от России», – так Ф. Энгельс охарактеризовал появление политического панславизма и австрославизма в событиях 1848 г. в Праге. Учитывая роль сочинения будущего «классика марксизма-ленинизма» в советской историографии и историографии стран «социалистического лагеря», понятно почти

полное отсутствие специальных исследований по истории панславистских движений в Австрийской империи и негативная окраска терминов «панславизм» и «австрославизм» в советской историографии.

В своей работе Ф. Энгельс также приводит пессимистический «прогноз» будущей истории австрийских славян: «Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации, уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, не жизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность (курсив наш – Г.Р.). Именно такова судьба австрийских славян»²⁶.

Здесь же Ф. Энгельс писал: «...Немцы и мадьяры соединили... маленькие, хилые и бессильные национальности в одно большое государство и тем самым сделали их способными принять участие в историческом развитии... Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптать несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается»²⁷. У А. Пыпина мы также видим опасения, что славянское объединение не обойдется без кровавой борьбы. Однако в одном случае молодой немецкий студент-гегельянец иронизирует над будущей судьбой славянства, а в другом – русский ученый-славист сочувственно предостерегает своих соплеменников от того, чтобы идти на поводу у политических панславистов.

Очевидно, что Ф. Энгельс не принял взгляды своего соотечественника – немецкого философа И.Г. Гердера, предрекавшего славянам в своем известном труде «Идеи к философии истории человечества» великое будущее.

В работах А.Н. Пыпина указаны временные рамки роста интереса к панславизму. Свое время (1878–1879-е гг. – время публикации статей в «Вестнике Европы») Пыпин сравнивает с 1830-ми гг. – «как некогда в 30-х годах из этого слова делали пугало для устрашения Европы против России, так и теперь». Начиная с 1870-х гг., в России и Европе открывается новый этап развития славянского вопроса, а значит и трактовки его гносеологических корней – теории славянской взаимности, панславизма, славянской идеи.

Двумя десятилетиями позже, когда славянская идея в России приобрела иное звучание, один из русских авторов в помещенной в «Вестнике Европы» статье писал: «Издатель «Гражданина» (князь Мещерский. – Г.Р.) весьма откровенно объяснил, что в 1876 г. он был одним из зажигателей сумасшедшей любви к братушкам, одним из глашатаев небывалых их скорбей, и покупал популярность лже-патриотическими, на войну направленными статьями»²⁸. За этой цитатой – оценка политической конъюнктуры очередного всплеска к славянской идее в 1870-е годы.

В русской историографии начала XX в. свою трактовку панславизма предложил русский историк-новист, профессор Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареев. В лекции «Славянское возрождение, панславизм и мессианизм» под термином «панславизм» он понимает «славянскую мечту», направленную на создание единого общеславянского языка и «единого общеславянского царства»²⁹. При этом в структуре панславистских представлений Н.И. Кареев выделял патриотические увлечения «национальной и вообще славянской стариной», оптимистические прогнозы относительно будущего «духовного объединения славянства», противоположность славянского и германского миров. Так, из публицистических оценок и дискуссий Н.И. Кареев выстроил свою универсальную оценку панславизма,

которую он предлагал будущей российской элите в университетском курсе по новой истории и в статьях Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

Таким образом, в русской историографии до 1917 г. не сложилось цельного представления о сущности понятий «славянская взаимность» и «панславизм». Наиболее четкое определение эти термины получили в работах А.Н. Пыпина, хотя и его интерпретация не получила поддержки современников.

В западных теориях национализма к классическим исследователям проблемы относится американский ученый Г. Кон (1891–1971). Он не только подробно проанализировал национализм как систему идей, но и проследил их воплощение в разных социальных и политических условиях. После публикации его основного труда «Идея национализма» (1944) Г. Кон пишет сочинение «Панславизм. Его история и идеология» (1953)³⁰. Панславизм, по определению Г. Кона, это движение, в котором национальные элементы были смешены со сверхнациональными (*supra-national*) и имперскими стремлениями. Оно стало продуктом политического подъема интеллектуалов Центральной и Восточной Европы, начавшегося после Французской революции и Наполеоновских войн³¹.

Современный панславизм, по мнению Г. Кона, можно отнести к 1820-м гг., когда эти идеи появились в среде западных славян под влиянием романтизма. Отцами раннего панславизма американский ученый называет «двух молодых лютеранских словаков – Яна Коллара (1793–1852) и Павла Йозефа Шафарика (1795–1861). Коллар был его (панславизма. – *Г.Р.*) первым поэтом, Шафарик – первым ученым»³². Как считает Г. Кон, в учение Шафарика о панславизме, изложенном в труде «История славянских языков и литератур» (1837), Коллар добавил духовную структуру. «Два словацких глашатая панславизма», по его мнению, «имели огромное влияние на славянские народы». Кроме Шафарика и Коллара, он отмечает огромное влияние на распространение панславизма в Габсбургской монархии словаков Л. Штура и С. Гурбан-Ваянского (1847–1916). Не оставляя без внимания других представителей панславизма в монархии, американский ученый, тем не менее, отметил особое место среди них словаков, особенно словаков-протестантов.

В последующих работах Г. Кон прослеживает развитие панславизма до современных идеологических и политических программ, смешивая, таким образом, научную теорию и идеологию. Современный панславизм характеризовался Г. Коном как идеологическая основа складывания восточноевропейского блока после Второй мировой войны: «Со времени Погодина вплоть до последних лет Сталина, в течение целого столетия, панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство всех славян до такой степени, что для многих русских стали синонимами слова «русский» и «славянин»³³.

Почти одновременно с работами Г. Кона появилась монография другого американского профессора М.Б. Петровича «Возникновение русского панславизма 1856–1870», опубликованная в Трудах Русского института Колумбийского университета в Нью-Йорке³⁴. Ученый рассматривает вопросы возникновения панславистских идей в России до 1856 г. и их дальнейшее развитие, славянофильские теории, русскую панславистскую идеологию, русскую панславистскую печать и организации, разновидность лингвистического панславизма в России, взаимосвязь русского панславизма и польского вопроса. Особое внимание М. Петрович

уделил съезду славян в Москве 1867 г. и политической программе русского панславизма. Он справедливо отметил, что в России не существовало специально организованной государственной панславистской программы. Эта программа выражалась в трудах писателей, лидеров панславизма и в частных мнениях. Периодом наибольшего подъема панславистских идей в России М.Б. Петрович считает время между Крымской и русско-турецкой войной. По его мнению, одним из основных аргументов русского панславизма после Крымской войны было то, что находящаяся в дипломатической изоляции Россия могла привлечь нерусских славян как союзников против враждебного Запада³⁵. Основанием для такого заключения М.Б. Петровичу послужил анализ «Панславистского меморандума» М.П. Погодина, направленный императору Николаю во время Крымской войны. Имеются в виду «Политические письма» русского профессора. Трудно не согласиться с М. Петровичем, т. к. проведенное нами архивное исследование показало дальновидность помощи славянским ученым, о которой М. Погодин будет просить в строго конфиденциальных посланиях русскому императору.

М. Петрович строго различает славянский и русский панславизм. Он считает, что славянский панславизм имел исключительно культурное содержание, а русский панславизм отражал идеологию великодержавности и консервативного националистического течения российской общественной мысли³⁶.

Годом позже после публикации книги Петровича в Оксфорде появилась публикация профессора русской истории и восточно-европейских исследований Лондонского университета Х. Сетона-Ватсона «Российская империя 1801–1917»³⁷. Специальное внимание в ней было уделено русскому национализму и панславизму, а также идее славянской взаимности. В разделах «Русский национализм и панславизм» и «Россия, Австрия и славяне» Сетон-Ватсон указывает на истоки неославизма в начале XX в. и видит их в славянском вопросе для России на Балканах и в Австро-Венгрии. Важными показателями русского национализма Сетон-Ватсон называет деятельность министра С.С. Уварова, разгром Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве в 1847 г. и обострение еврейского вопроса в России. Он заключает, что после Этнографической выставки в Москве 1867 г. «славянофильство уступило место панславизму, и это еще более сократило различия между русским национализмом и имперскими экспансионистскими целями российского государства»³⁸.

Говоря о параллели между панславистской и пангерманской идеологией, Сетон-Ватсон отмечал, что идея Великой Германии основывалась на демократических началах, была лояльной и в государственном, и в религиозном смысле и не была связана с какой-либо династией. Панславистская идея, по его мнению, наоборот, призывала присоединиться к недемократической династии Романовых и православной религии. Как считал автор, все эти черты панславизма были теоретически прописаны в работе Н. Данилевского, а на практике воплотились в советском империализме.

В советской историографии термин панславизм употреблялся лишь в сочетании «царский панславизм», как проявление консервативных дворянских или буржуазных кругов, отвергающих какой-либо прогресс. Авторы статьи о панславизме в «Большой советской энциклопедии» приводят два типа панславизма: реакционный и демократический. Реакционный панславизм был проявлением националистической идеологии, которую в 1830–1840-е гг. проводили С.С. Уваров

и М.П. Погодин и которая достигла своего расцвета во второй половине XIX века. Демократический панславизм характеризуется как стремление западных, южных и восточных славян достичь своего культурного сближения в период их противодействия турецкому и австрийско-венгерскому гнету³⁹.

В конце XX – начале XXI вв. к методологическим вопросам, связанным со славянской взаимностью и панславизмом обращались многие зарубежные авторы. При этом необходимо заметить, что в большинстве из них теоретические положения о славянской взаимности и панславизме основывались на историческом материале истории России, чешского народа или южных славян. Словацкий исторический материал почти не использовался, за исключением ссылок на работы Коллара и Штура⁴⁰.

Среди советских авторов, которые не обходили в своих исследованиях сложные вопросы определения терминологии, особое место принадлежит В.К. Волкову. Именно он в 1960-е гг. развил тезис о том, что панславизм является частью теории славянской взаимности⁴¹. Дискуссии советских историков на IX съезде славистов (1983 г.) показали, что советская историография готова пересмотреть прежние идеологические установки. Проявлением нового подхода к вопросам славянской идеологии в целом и к панславизму в частности стали работы В.А. Дьякова о славянском вопросе в России и Н.И. Цимбаева о славянофильстве⁴².

При всем многообразии приведенных концепций панславизма, можно согласиться с автором одной из немногих в современной российской историографии статей по истории термина «панславизм» О.В. Павленко, что и сегодня невозможно создать стройную логичную концепцию панславизма⁴³. Заслуживает внимания и позиция современного чешского историка Р. Влчка, автора работы о русском панславизме, что «панславизм был порождением не общества в целом, а конкретных личностей, и все его интерпретации (и в позитивном, и в негативном смысле) созданы исключительно конкретными людьми»⁴⁴.

Таким образом, в исторической литературе нет единого мнения о сущности термина «панславизм». Порой трактовки носят полярный характер. Идея славянской взаимности и ее теоретические концепции в XIX в. получали у современников и последующих исследователей самые различные интерпретации – от русофильства до державного или экспансионистского панславизма, а как промежуточные формы – демократический и литературный панславизм. Во всех панславистских построениях Россия занимала доминирующую роль как центр притяжения мирового славянства. С другой стороны, под идеей славянской взаимности подразумевались теории славянского единства, не предполагавшие гегемонии какого-либо одного из славянских народов (австрославизм и неославизм).

Примечания

¹ См. работы: *Riasanovsky N.V. Russia and the West in the teaching of the slavophiles.* Cambridge, 1956; *Kohn H. Pan-Slavism: Its History and Ideology.* New York, 1960; *Fadner F. Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870.* Washigton, 1962; *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964; *Petrovich M.B. The emergence of Russian Pan-Slavism 1856–1870.* Columbia University Press, 1966; *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969; *Лециловская И.И.* Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вопросы истории. 1976. № 12; *Чуркина И.В.* Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной

- Европы. М., 1977. С. 37–50; *Ненашева З.С.* Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии: Некоторые терминологические и теоретические аспекты // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 78–95; *Kudelka M.* Pojetí teorie československé slavistiky v období 1945–1961 // SPř. 1983. № 2. S. 97–114; *Фрейдзон В.И., Исламов Т.М.* Идеологические основы национальных движений // Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1988. С. 217–277; *Ненашева З.С.* Das Problem des Austroslawismus in der russischen öffentlichen Meinung in den letzten beiden Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts // Der Austroslawismus. Wien, Köln, Weimar, 1996. S. 178–194; *Павленко О.В.* Панславизм: концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- ² См.: *Лециловская И.И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии. М.: Наука, 1977; *Чуркина И.В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М.: Наука, 1978; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М.: Наука, 1980; Славянский вопрос: веки истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997.
- ³ *Дьяков В.А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978. С. 258.
- ⁴ *Masaryk T.G. Karel Havlíček.* Praha, 1896; Edem. Česká otázka. Snahy a tužby národního obrození. Praha, 1948; Edem. Spirit of Russia. London, 1967.
- ⁵ *Jirásek J.* Česi, Slováci a Rusko. Študie vzájemných vzťahů československo-ruských od roku 1867 do počátku světové války. Praha, 1933; Edem. Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob až do roku 1914. I–IV d. Brno, 1945.
- ⁶ *Škultety J. Ján Kollár.* Storočie «Slávy Dcery». 1824–1924; Idem. Pavel J. Šafárik. Sbornik Filozofickej fakulty University Komenského v Bratislave. 1922.
- ⁷ Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Прага, 1964.
- ⁸ *S'lastný V.* (Ed.) Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, Melantrich, 1968; *Šesták M., S'lastný V.* České slovanství v boji proti dualismu // Československá slavistika. 1988. S. 265–275.
- ⁹ *Wollman F.* Kollárův mesianismus // Slovanská vzájemnost. 1836–1936. Praha, 1938. S. 34–59.
- ¹⁰ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935.
- ¹¹ См.: *Wollman F.* K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936; Idem. Český slavismus, jeho minulost a program // Slovanství v českém národním životě. Brno, 1947. S. 224; Idem. Terminologie slovanské součinnosti // SPř. 1948. Č. 3–4. S. 126–140.
- ¹² *Досталь М.Ю.* Неопубликованная статья А.А. Кизеветтера по проблемам славянской идеологии // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 81–94.
- ¹³ Данные положения работы Н.Я. Данилевского используются современными сторонниками единой славянской цивилизации, создания федерации славянских государств. См.: Кикешев Н.И. (предводитель Всеславянского Собора). Славянское единство // Встань и иди. М.: Мегатрон, 2000. С. 624–637.
- ¹⁴ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 409, 411.
- ¹⁵ *Милуков П.Н.* Славянофильство // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауз, И. Эфрон. СПб., 1900. Т. XXX. С. 314.
- ¹⁶ *Соловьев В.С.* Критика сочинения Н.Н. Страхова «Борьба с Западом» // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 765.
- ¹⁷ *Соловьев В.С.* Россия и Европа // Там же. С. 725.
- ¹⁸ Там же. С. 727.
- ¹⁹ Там же. С. 731.
- ²⁰ См.: *Хевролина В.М.* Внешнеполитические концепции российского либерализма в конце XIX века // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 34–50.
- ²¹ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 52.
- ²² *Пытин А.Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. С. 615, 616, 619.
- ²³ Он же. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 775.
- ²⁴ *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. VI. С. 181–182.
- ²⁵ *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Там же. С. 290–298.
- ²⁶ *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 294.
- ²⁷ *Энгельс Ф.* Демократический панславизм. С. 298.
- ²⁸ *Слонимский Л.* Наши направления в печати и обществе // Вестник Европы. 1895. № 10. С. 779–790.

- ²⁹ Кареев Н.И. Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время. СПб., 1903. Т. V. С. 405, 418–421.
- ³⁰ Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1944; Idem. The mind of modern Russia. Historical and Political Thought of Russia, s Great Age. New Jersey & New Brunswick, 1955; Idem. Pan-Slavism: Its History and Ideology. New York, 1960 (Second edition).
- ³¹ Ibidem. P. IX.
- ³² Ibidem. P. 3–4.
- ³³ Kohn H. The mind of modern Russia. Historical and Political Thought of Russia, s Great Age. New Jersey & New Brunswick, 1955. P. 69.
- ³⁴ Petrovich M.B. The emergence of Russian panslavism 1856–1870. Columbia university press, 1966; Second edition Connecticut, 1985.
- ³⁵ Petrovich M.B. Op. cit. P. 246.
- ³⁶ Ibidem. P. 51–53.
- ³⁷ The Russian Empire 1801–1917 by Hugh Seton-Watson. Oxford: The Claredon Press, 1967.
- ³⁸ Ibidem. P. 446–447.
- ³⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 32. 2-е изд. 1955. С. 8.
- ⁴⁰ Durman K. The Time of the Thunderer. New York, 1988; Svatoň V. Panslavismus: nebezpečí nebo alternativa evropské kultury? // Střední Evropa. 10. 1994. 42; Pfaff I. Česká příslušnost k Západu v letech 1815–1878. Brno, 1996; Milojkovic-Djuric E. Panslavism and National Identity in Russia and in the Balkans 1830–1880. New York, 1994; Golczewski F., Pickhan G. Russischer Nationalismus. Gottigen, 1998; Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeitim Zarenreich. Koln, 2000.
- ⁴¹ Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–61.
- ⁴² Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.
- ⁴³ Павленко О.В. Указ. статья. С. 47; О.В. Павленко (Лебедева) в 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Концепция славянской взаимности в России и в Чехии в 60-е – начале 70-х годов XIX в.», в которой впервые в современной российской историографии предпринята попытка преодолеть сложившиеся стереотипные оценки панславизма.
- ⁴⁴ Vlček R. Rusky panslavismus – realita a fikce. Praha, 2002. S. 7.

